

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТОН ЧЕХОВ

Рассказы. Повести. Пьесы

АНТОН ЧЕХОВ

Неосторожность

«Public Domain»

Чехов А. П.

Неосторожность / А. П. Чехов — «Public Domain»,

Антон Павлович Чехов

Неосторожность

Петр Петрович Стрижин, племянник полковницы Ивановой, тот самый, у которого в прошлом году украли новые калоши, вернулся с крестин ровно в два часа ночи. Чтобы не разбудить своих, он осторожно разделся в передней, на цыпочках, чуть дыша, пробрался к себе в спальню и, не зажигая огня, стал готовиться ко сну.

Стрижин ведет жизнь трезвую и регулярную, выражение лица у него душеспасительное, книжки он читает только духовно-нравственные, но на крестинах от радости, что Любовь Спиридоновна благополучно разрешилась от бремени, он позволил себе выпить четыре рюмки водки и стакан вина, напоминавшего своим вкусом что-то среднее между уксусом и касторовым маслом. Горячие же напитки подобны морской воде или славе: чем больше пьешь, тем сильнее жаждешь... И теперь, раздеваясь, Стрижин чувствовал непреодолимое желание выпить.

«У Дашеньки, кажется, есть водка в шкапу, в правом углу, – думал он. – Если я выпью одну рюмку, то она не заметит».

После некоторого колебания, пересилив свой страх, Стрижин направился к шкапу. Отворив осторожно дверцу, он нащупал в правом углу бутылку и рюмку, налил, поставил бутылку на место, потом перекрестился и выпил. И тотчас же произошло нечто вроде чуда. Со страшной силой, точно бомбу, Стрижина вдруг отбросило от шкапа к сундуку. В глазах его засверкало, дыхание сперло, по всему телу пробежало такое ощущение, как будто он упал в болото, полное пьявок. Ему показалось, что вместо водки он проглотил кусок динамита, который взорвал его тело, дом, весь переулок... Голова, руки, ноги – всё оторвалось и полетело куда-то к чёрту, в пространство...

Минуты три он лежал на сундуке неподвижно, но дыша, потом поднялся и спросил себя:

– Где я?

Первое, что он ясно ощутил, придя в себя, это был резкий запах керосина.

– Батюшки мои, это я вместо водки керосину выпил! – ужаснулся он. – Святители угодники!

От мысли, что он отравился, его бросило и в холод и в жар. Что яд был действительно принят, свидетельствовали, кроме запаха в комнате, жжение во рту, искры в глазах, звон колоколов в голове и колотье в желудке. Чувствуя приближение смерти и не обманывая себя напрасными надеждами, он пожелал проститься с близкими и отправился в спальню Дашеньки. (Будучи вдовым, он у себя в квартире держал вместо хозяйки свою свояченицу Дашеньку, старую деву.)

– Дашенька! – сказал он плачущим голосом, входя в спальню. – Дорогая Дашенька!

Что-то заворчалось в потемках и испустило глубокий вздох.

– Дашенька!

– А? Что? – быстро заговорил женский голос. – Это вы, Петр Петрович? Уже вернулись? Ну, что? Как назвали девочку? Кто был кумой?

– Кумой была Наталья Андреевна Великосветская, а кумом – Павел Иваныч Бессонницын... Я... я, Дашенька, кажется, умираю. А новорожденную назвали Олимпиадой в честь ихней благодетельницы... Я... я, Дашенька, выпил керосину...

– Вот еще! Нешто там подавали керосин?

– Признаться, я хотел, не спросясь вас, водки выпить, и... и бог наказал: по нечаянности я в потемках керосину выпил... Что мне делать?

Дашенька, услышав, что без ее разрешения отворяли шкаф, оживилась... Она быстро зажгла свечку, прыгнула с постели и в одной сорочке, весноватая, костлявая, в папиютокках, зашлепала босыми ногами к шкапу.

– Кто же это вам позволил? – спросила она строго, оглядывая внутренность шкапа. – Нешто водка для вас поставлена?

– Я... я, Дашенька, пил не водку, а керосин... – пробормотал Стрижин, отирая холодный пот.

– А зачем вам керосин трогать? Разве это ваше дело? Для вас он поставлен? Или, по-вашему, керосин денег не стоит? А? Да вы знаете, почему теперь керосин? Знаете?

– Дорогая Дашенька! – простонал Стрижин. – Вопрос идет о жизни и смерти, а вы о деньгах!

– Напился пьяный и в шкаф сует свой нос! – крикнула Дашенька, сердито хлопнув дверцей. – О, изверги, мучители! Страдалица я, несчастная, ни днем, ни ночью покою! Аспиды-василиски, ироды окаянные, чтоб вам на том свете так жилось! Завтра же съезжаю! Я девица и не позволю вам стоять передо мною в одном нижнем белье! Вы не смеете глядеть на меня, когда я не одета!

И пошла, и пошла... Зная, что рассерженную Дашеньку не уймешь ни мольбами, ни клятвами, ни даже пальбой из пушек, Стрижин махнул рукой, оделся и решил сходить к доктору. Но доктора легко найти только тогда, когда он не нужен. Избегав три улицы и позвонившись раз пять к доктору Чепхарьянцу и семь раз к доктору Бултыхину, Стрижин побежал в аптеку: авось поможет аптекарь. Тут, после долгого ожидания, к нему вышел маленький, чернявый и кудрявый фармацевт, заспанный, в халате и с таким серьезным и умным лицом, что даже стало страшно.

– Вам что угодно? – спросил он тоном, каким могут говорить только очень умные и солидные фармацевты иудейского вероисповедания.

– Ради бога... прошу вас! – проговорил Стрижин, задыхаясь. – Дайте мне чего-нибудь... Я сейчас по нечаянности керосину выпил! Умираю!

– Прошу вас не волноваться и отвечать на вопросы, которые я буду вам задавать. Уже один тот факт, что вы волнуетесь, не позволяет мне понимать вас. Вы выпили керосину? Да-а?

– Да, керосину! Спасите, пожалуйста!

Фармацевт хладнокровно и серьезно подошел к конторке, раскрыл книгу и погрузился в чтение. Прочитав две страницы, он пожал одним плечом, потом другим, соорудил презрительную гримасу и, подумав, вышел в смежную комнату. Часы пробили четыре. И когда они показывали десять минут пятого, фармацевт вернулся с другой книгой и опять погрузился в чтение.

– Гм! – сказал он, как бы недоумевая. – Уже один тот факт, что вы чувствуете себя нехорошо, нужно, чтоб вы обратились не в аптеку, а к врачу.

– Но я уже был у докторов! Не дозвонился!

– Гм... Вы нас, фармацевтов, не считаете за людей и беспокоите даже в четыре часа ночи, а каждая собаке, каждый кошке имеет покой... Вы ничего не желаете понимать, и, по-вашему, мы не люди и в нас нервы должен быть, как веровка.

Стрижин выслушал фармацевта, вздохнул и пошел домой.

«Стало быть, суждено умереть!» – думал он.

А во рту у него горело и пахло керосином, в желудке резало, в ушах раздавалось: бум, бум, бум! Каждую минуту ему казалось, что конец его уже близок, что сердце его уже не бьется...

Придя домой, он поспешил написать: «Прошу в моей смерти никого не винить», потом помолился богу, лег и укрылся с головой. До утра он не спал и ждал смерти, и всё время ему мерещилось, как его могила покрывается молодой зеленью и как над нею щебечут птички...

А утром он сидел на кровати и, улыбаясь, говорил Дашеньке:

– Кто ведет правильную и регулярную жизнь, дорогая сестрица, того никакая отравка не возьмет. Вот хоть бы меня взять в пример. Был я на краю гибели, умирал, мучился, а теперь

ничего. Только во рту пожгло и в глотке саднит, а всё тело здорово, слава богу... А отчего? Потому что регулярная жизнь.

– Нет, это значит – керосин плохой! – вздыхала Дашенька, думая о расходах и глядя в одну точку. – Значит, лавочник мне дал не лучшего, а того, что полторы копейки фунт. Страдалица я, несчастная, изверги-мучители, чтоб вам на том свете так жилось, ироды окаянные...

И пошла, и пошла...